

2013

Язык текущего момента: понятие нормы

Виталий Костомаров

Follow this and additional works at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj>

Part of the [Slavic Languages and Societies Commons](#)

Recommended Citation

Костомаров, Виталий (2013) "Язык текущего момента: понятие нормы," *Russian Language Journal*: Vol. 63: Iss. 1, Article 12.

Available at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj/vol63/iss1/12>

This Article is brought to you for free and open access by the Journals at BYU ScholarsArchive. It has been accepted for inclusion in Russian Language Journal by an authorized editor of BYU ScholarsArchive. For more information, please contact ellen_amatangelo@byu.edu.

Язык текущего момента: понятие нормы

Виталий Костомаров

1. Н.В.Гоголь уподоблял язык океану, беспредельному и подвижному. Корни этого в требованиях социума, многообразных как самоё жизнь на разных отрезках истории, и в постоянной идентификации, самоутверждении его членов. Не меньшую роль играет также динамика самого языка, вечно развивающегося, как и любая сложная, иерархически организованная система, по присущим ему внутренним законам, которые различны в открытых уровнях лексики и стилистики, в разной степени закрытых, исчислимых уровнях фонетики, морфологии, синтаксиса, в юридически утверждаемой орфографии.

По теории взаимодействий это «союз всадника и коня», в котором язык – средство общения людей, а люди – средство развития языка. Оба одинаково важны, пока люди не осознают первичность своей роли: конь всё-таки поскачет, куда велит всадник, хотя и упрямится остаться в стойле.

Впрочем, многие авторитеты считают неправомерным вмешательство человека в дела языка. Мысль об упорядочивании языкового океана кажется им насильным насаждением абстракций, искусственно получаемых из фактов реального употребления.

2. На такой позиции стоял великий отечественный лингвист А.А.Шахматов, отказавшийся в своей словарной работе от установления норм, выдвинув идею документации, точных ссылок на источник, ибо «характер источника ясно предопределяет, насколько то или другое слово следует считать общеупотребительным, насколько то или иное выражение можно признать достойным подражания» (Словарь русского языка, составленный 2-м отделением Академии наук, т. II, вып. 1, 1897, стр. VII). Учитель гимназии И.Х.Пахман возражал против этого мнения с нормативно-педагогической точки зрения. Академик в ответе на критику утверждал: «Странно было бы вообще, если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решалось

бы указывать, как надо говорить» (А. А. Шахматов. Несколько замечаний по поводу записки И. Х. Пахмана. «Сборник ОРЯС», т. XVII, № 1, 1899, стр. 33).

В том же сборнике А. Г. Горнфельд писал, что доводы от разума, науки и хорошего тона действуют на язык не больше, чем курсы геологии на землетрясение: «В том-то и беда, что ревнителей чистоты и правильности родной речи, как и ревнителей добрых нравов, никто слушать не хочет. За них говорят грамматика и логика, здравый смысл и хороший вкус, благозвучие и благопристойность, но из всего этого натиска грамматики, риторики и стилистики на бесшабашную, безобразную, безоглядную живую речь не выходит ничего» (стр. 20).

Иначе думал К.И. Чуковский: «Люди так и представляли себе, будто мимо них протекает могучая речевая река, а они стоят на берегу и с бессильным негодованием следят, сколько всякой дребедени и дряни несут на себе её волны... Но можем ли мы согласиться с такой философией бездействия и непротивления злу? Неужели мы, писатели, педагоги, лингвисты, способны только плакать, негодовать, ужасаться, наблюдая, как портят русский язык, но не смеем и думать о том, чтобы мощным усилием воли подчинить его своему коллективному разуму?». По его мнению, философия бездействия имела смысл, когда люди были бессильны в борьбе со стихиями. Теперь же у нас есть «мощные рычаги просвещения, школа, радио, кино, телевизор, множество газет и журналов».

Предпочтение чего-то одного, конечно, тормозит живые процессы в языке. Зато оно отвечает интересам единства общества, справедливым требованиям педагогов, всех ревнителей культурной традиции обеспечить языковую устойчивость и определённость. Люди хотят знать, что правильно и что нет, нуждаются в рекомендациях, в лингвистическом компасе, а не в геологической и топографической картах языковой округи. Прочитав слова старичка-филолога из романа «Заноза» Л. Обуховой «Лингвисты должны стать практиками: не только коллекционировать обороты, но и активно вмешиваться в процессы языка, объяснять его, предсказывать тенденции, смело браться за новое. В общем — взять язык в руки!», академик В.В.Виноградов заметил, что они «представляют некоторый интерес».

3. Сомневаться в возможностях людей нельзя, если вспомнить воздействие на язык изобретенных ими письменности, книги, печати, которые революционно изменили коммуникативную жизнь общества и устройство самого языка. В нём возникла, наряду с исходной разговорной, книжная разновидность. Они и укрепили идею поиска правильности её фиксации. Ныне техника даёт невиданные способы овеществления, хранения, воспроизведения актов общения в реальной полноте звука, движения, цвета. Новый тип текстов явно отразится в самом языке. Но это уже иная тема.

Для нас сейчас актуально лишь то, что и в разговорном, и в книжном языке много избыточности: устаревающего и новейшего, необходимого и ненужного, прекрасного и отвратительного. Сплочение нации, общее незатруднённое взаимопонимание, требующее порядка, дисциплины, удовлетворяется нормализацией. Она может быть стихийной, обычно в виде субъективного ощущения «правильного»; остротой такого чутья, по верному мнению В.Ходасевича, обладал Державин. В наше время она чаще предстаёт научно обоснованной деятельностью специалистов, чьи оценки внедряются с одобрения и под охраной общественного мнения и властных структур государства. Она имеет успех, если не произвольна и уважает законы языка.

Отбором необходимого и достаточного создаётся единый обязательный для всех литературно-нормированный язык. Русские языковеды, избегавшие немецкого образца, называли его *образованным* – по двум значениям глагола образовать «сотворённый, отшлифованный» и «свойственный просвещённой элите». Естественно желать, чтобы был он обозримым по объёму и устойчивым во времени, рациональным и строго коммуникативным. По убеждению М.Горького, это тот же общий народный язык, только обработанный поэтами и писателями. В его создании, конечно, участвуют и учёные, общественные деятели, рядовые умельцы слова.

4. Литературный язык характеризуется нормами, которые помогают не утонуть в океане языка. Всеобщие, они внедряются как обязательные семейным и школьным обучением, практикой общения, масс-медиа, образцовой литературой и, конечно, учебниками, словарями, справочниками. Несоблюдение их высмеивается, осуждается, а то и наказывается. В своей совокупности

они составляют «дорожную карту», указывающую выверенный в нравственных, этических и эстетических границах оптимальный путь к благопристойному порядку и гармонии.

По определению С.И.Ожегова, это «совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной в широком смысле оценки этих элементов» (Очередные вопросы культуры речи. «Вопросы культуры речи». Вып. 1. М., 1955, стр. 15).

Дефиниция совокупности как отбора справедливо констатирует наличие в языке иных совокупностей. Их единицы могут ею игнорироваться или запрещаться, взаимодействовать с нею, проникать в неё. Их наличие необходимо для индивидуальной и групповой самоидентификации, шире – для игры и выразительности. Они дополняют нормы, контрастируют, а то и конкурируют с ними, отчего сами нормы, сковывающие своей неподвижностью самопроизвольное движение языка, тоже меняются. Это ясно иллюстрируется анализом нынешнего сближения книжной и разговорной его разновидностей, особенно наглядного в массовой коммуникации и социальных сетях интернета.

Слово «наиболее» в дефиниции точно неизмеримо и, не охватывая весь беспредельный язык, предполагает зависимость объёма и характера рассматриваемой совокупности от преследуемой цели и других обстоятельств. Существен, прежде всего, набор важнейших для данной эпохи текстов, например, Псалтырь и Евангелие в Средние века; «Краткий курс истории КПСС» и речи вождя, передовицы «Правды» в советскую эпоху. К счастью, основополагающими остаются тексты писателей-классиков XIX столетия. Важную роль играют механизмы установления норм на разных уровнях самого языка, например, различение *основного словарного фонда* (неизбыточное и устойчивое ядро) и *лексического состава* (который полностью невозможно даже просто каталогизировать).

Приоритетны педагогические мотивы, по которым создаются учебные минимумы и концентры при обучении детей и иноязычных

взрослых. Интересна пусть малоудачная попытка создать Basic English – именно «базисный», хотя первоначально это лишь аббревиатура – Business «деловой», Administrative «управленческий», Scientific «научный», Industrial «промышленный», Commercial «торговый». Смеяться над благой целью неискажающего упрощения грешно, и совсем не вредно создать «базисный русский», который служил бы для торговли, туризма, а также никак не мешал бы, напротив, возбуждал и влёл бы за собой более глубокое, серьёзное овладение всей нормализованной его частью – литературным языком.

Именно он как величайшее достижение и сокровище культуры, всего исторического развития общества, блюдет этническую цельность нации. Его сила в поддержке элиты и всего деятельного населения, органов власти и государства, просвещения и образования, средств массовой коммуникации. Он облагораживается искусством, поэзией, литературой, театром. Немаловажно отношение к нему, мировой общественности, использование его в международной жизни.

В то же время типология явлений, касающихся нормализации должна озаботиться, наряду с неизбежно обособленными, консервативными *нормами*, тормозящими самоизменение языка, закономерным наличием *ненорм* – в разной мере и по разным причинам допускаемых и распространённых средств, часто по воле людей конкурирующих с нормами, а также подпадающих под табу *антинорм*.

5. Мысль о ненормализованных пока, или в принципе ненормализуемых (не подлежащих нормализации, оставляемых вне её процесса) ресурсах никак не отрицает принципиальной важности норм, оберегающих всем понятный и всех объединяющий литературный язык. Она лишь кажется крамольной, а на деле редко кто говорит и пишет одними нормами без страха и упрёка, как А.Б.Шапира, кто поэтому слыл педантичным, искусственно-суховатым. Его соавтор по нормативным пособиям С.И.Ожегов любил в меру отвлечься от них, отчего был художественно выразителен и ароматно доверителен.

Хотя люди в силу своих целей, притязаний, настроений, образованности, вообще своей природы постоянно выходят за пределы совокупности норм, было бы неосмотрительно расширять

его. В интересах педагогики нельзя нарушать незыблемую в синхронии чистоту даже широко понятными единицами, какие бы предупредительные оговорки, ограничительные пометы при этом их бы ни сопровождали.

Констатация реальности не означает стихийного попустительства. Без затруднений все понимают очень различный язык «Радио России» и радиостанции «Эхо Москвы», «Российской газеты» и «Московского комсомольца» потому, что у них одинаков набор норм, хотя и очень различно обращение к ненормам, некоторые из которых не все даже знают и догадываются об их значении из контекста или спросив соседей. Если нормы ответственны за безусловное взаимопонимание людей, то ненормы отвечают за индивидуализацию, за разнообразие, без чего не живут себялюбивые люди.

Нормализация теряет под собой почву, если лишает литературный (образованный и непрерывно образуемый) язык права на присутствия в нём ненормализованных и не нормализуемых ресурсов. Их взаимодействие с устоявшимся, узаконенным ядром норм должно уважаться и изучаться, но не увеличивать его объём. Ненормами, которых намного больше, невозбранно по необходимости и желанию, разумно и осторожно пользоваться.

Л.В.Щерба великолепно писал: «Авторов, вовсе не отступающих от нормы, конечно, не существует — они были бы невыносимо скучны. Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее у разных хороших писателей. (Я говорю „обоснованных“, потому что у плохих авторов они бывают часто недостаточно мотивированы внутренним содержанием, поэтому-то эти авторы и считаются плохими)». (Очередные проблемы языковедения. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. IV, вып. 5, 1945, с. 183).

В этой цитате мало видеть защиту отхода от норм, ещё важнее в них утверждение (подчёркнуто нами – В.К.), что всё начинается с воспитания чувства нормы. Человек получает удовольствие от ненорм, только тогда, когда крепко усвоил нормы и обрёл право безопасно выходить в бесконечность языкового океана. По немецкой пословице Meister kann die Form zerbrechen – мастер

может разбить форму, потому что он знает старую и способен сделать лучшую.

Щербианскую позицию образно изложила С.Г.Тер-Минасова: «Литературный язык лишён цвета и запаха, он нужен как ткань, на которой вышивается узор. Узор, вышивка, отклонение от нормы не может существовать без ткани, холста, литературно-языковой основы. Норма существует для того, чтобы было от чего отклоняться; тогда включается стилистическая игра, Это высшая культура речи, но – от великого до смешного один шаг. Эти отклонения у одного – искусство, у другого – монстр» (Интервью. «Мир русского слова», 2002, № 4, с. 20).

6. Ненормы составляют обширное чересполосное поле более и менее распространённых, достойных, допустимых единиц: «почти норм», будущих замен действующих; «ограниченных норм» не претендующих на общезыковое признание, удовлетворяясь властью в своих сферах – социально-групповых, профессиональных, географических, возрастных, гендерных; бывших нормами, но устаревших; разного рода окказионализмов и агнонимов (термин В.В.Морковкина, обозначающий редкие, малоизвестные слова, например чьё произношение часто мало известно, а значение невнятно). Обращение к ним в принципе должно быть именно обоснованным, а также и разумно умеренным.

Допустимых параллельных единиц выражения, существующих не как ошибки, но и не в особом – высоком и порой скучном звании норм, весьма много. Но всё же у них нет постоянной прописки в общем языке данной эпохи, нет гражданских прав в их полноте, нет силы общего всепризнанного эталона безоговорочной правильности. В разные периоды эти измерения существенно меняются зависимо от настроения социума на новаторство или консерватизм.

Сейчас, как и в двадцатые годы прошлого века, у нас царствует либерализм. Тогда он основывался на диалектных и просторечных навыках «новой советской интеллигенции» (определение С.И.Ожегова), а приостановлен был призывами комсомольцев «грызть гранит науки» (Троцкий) и «учиться, учиться и учиться» (Ленин); торжество пуризма ознаменовал М.Горький на Первом съезде писателей; война усилила тягу к консерватизму и традиционализму. Лишь после неё писатели, а за ними языковеды

поставили этому тренду диагноз эпидемии «канцелярита» (К.И.Чуковский), и публика вновь обрела вкус к свободе новаторства.

Нынешнее новаторское попустительство на иных основах – на жаргонах и американских образцах одобряют отнюдь не малограмотные деятели масс-медиа, особо бурно агрессивные рекламисты. Компьютерно-сетевое общение все меньше сводится к нормам, коммуникативная целесообразность и меняющийся вкус всеильно владеют текстами, своевольно смешивая в них письмо и звучание, книжность и разговорность. Самый беспорядок и неустроенность в обществе размораживают языковые нормы. Ментальность, взгляды на жизнь нового поколения, отражаются в самоуправной много- и разноголосице.

Опасно этому безоговорочно радоваться, потому что без надлежащей оглядки на непоколебимые нормы легко утрачиваются понятия высокого и низкого, своеобразия учёной книжности и повседневного быта, строгость общения официоза и однозначность науки, художественная образность. Борьба за однозначную устойчивую норму стала казаться бесперспективной суетой, кроме разве чисто учебных ситуаций. Коварство вольнолюбиво-освободительных устремлений покушается на объединяющую роль твёрдого канона конкретных слов, форм и других единиц выражения, который только и способен удержать язык от рыхлости и развала, блюсти историческую преемственность, взаимопонимание, национально-языковое сплочение. Ведь уже слышны жалобы старших носителей литературного языка, перестающих понимать младших.

В побеждающей демократии, отторгающей авторитарное установление и внедрение одномерных норм трудно находить равнодействующую разных волей и мнений. Преодоление разнобоя в возведении языковой единицы в ранг нормы сопрягается с обязанностью, поступаясь собственными навыками, руководствоваться общим благом. Увы, стало неприемлемым ни «ласковое принуждение» древних русских книжников, ни тем более «добровольно-принудительная практика» советских лет.

Новые принципы нормализации пока неведомы, и своеобразной реакцией на растерянность и сумятицу стали вновь сомнения в самой идее нормализации. Предлагается, например, различать нормы первого и второго уровня: кодифицированные и не

утвержденные записью в общезыковом масштабе, но часто употребляемые образованными людьми. По сути это мало чем отличается от предлагаемой таксономии, признающей гарантом стабильного единства и развития взаимодействие таксона ненорм с приоритетным таксоном норм, но неудачно наводит на мысль, будто литературный стандарт сосуществует параллельно с неким субстандартом.

Труднее согласиться с набирающей сейчас популярность концепцией «вариативности норм», которая растворяет их значение как стражей порядка. Представленная в виде «пучка вариантов», норма противоречит интересам школы, дезориентирует ревнителей культуры языка, учителей, авторов словарей, описательных грамматик, учебников. Как материал или хотя бы ориентир правильности, она теряет сингулярность, мешает чтить традицию, отдавая дань призыву А.С.Пушкина уважать «отеческие гробы».

В её основе лежит безудержное желание (чего, напомним, не избежал сам А.А.Шахматов) лингвиста-теоретика собрать как можно больше примеров бурного языкотворчества в надежде, что их научное изучение поможет познать пути и законы развития языка и прогнозировать его будущее. Разумеется, это благородное и нужное дело, особенно в эпохи свободы и антинормализаторства. Сейчас появились замечательные исследования: авторитетный лингвист Максим Кронгауз назвал свою содержательную книгу о нынешней языковой жизни «Русский язык на грани нервного срыва». Под руководством Виктории Красных в 2011 – 2012 гг. вышли книги: «Русский язык в условиях культурной полифонии» и «Полифония большого города». Список полезных и перспективных исследований нетрудно продолжить.

Однако и учёный, жаждущий привести в известность, инвентаризовать всё наблюдаемое в языке, не может не понимать, что есть некая грань, за которой видна гибель литературно образованного языка. Сходная ситуация излишнего разнобоя в языке послереволюционных лет прошлого столетия породила замечательно умную статью А.М.Пешковского «Объективная и нормативная точка зрения на язык» («Избранные труды». М.-Л., 1959). Сегодня эта статья весьма злободневна, потому что растворение понятия нормы в хитросплетениях теории и истории делает борьбу за культуру общения бескрылой, тогда как

сиюминутная ситуация требует, напротив, дисциплинировать торжество расхлябанного неуважения к языку.

7. В интересах сплочённого общества, прежде всего его педагогики необходимо держаться (не без огорчения!) не самых удачных и нужных с научно-вселенской позиции терминов *нормализация, норма, нормативный*, никак не подменяя их исходного сингулярного понимания. Публике важна определённая правильность, от которой в случае обоснованного желания можно и отходить.

Нормы – очевидно привносимая категория, если угодно антиисторическая, но не колеблющаяся, не вариативно и шатко неопределённая, а оберегающая язык своей строгостью, даже тормозящая его развитие в литературно культивируемой части. Обусловленная развитием системы и действием человеческих факторов, эта категория той же кантианско-шопенгауеровской парадигмы, что время и пространство, интерпретируемые как внесённые человеком в миропознание для понимания в пределах его разума и нужд существа космического мироздания. Потребность людей для понимания друг друга иметь неподвижный (исповедальный) канон правильности и стала причиной внесения в языкознание нормализации, которая согласовала бы искомую неподвижность с исторически неостановимой динамикой языкового океана.

Существеннейшей чертой нормализации выступает поэтому её синхронность. Вне мифически видимой своей извечности нормы не достигали бы главной цели – если не служить порядку, то призывать к нему. «Примирение» нормализации, иллюзорно воспринимаемой как нечто устойчивое, неизменное, с объективно непрерывным развитием языка объяснимо понятием *синхронии*. За её пределами нормализация (особенно *кодификация*, то есть формальная фиксация устанавливаемых ею норм) подравнивается под диахронически новое состояние языка. Это происходит сокровенно, вне осознания носителями языка. Нормализация – это механизм временного (и временного!) преодоления вредного для общения противоречия между неподвижностью и движением.

Синхронию премудро определяют как виртуальный период, в котором язык остаётся идентичным самому себе. Как кажется, большей объяснительной силой обладает увязка её с реальным контактным общением конкретных лиц. Дети и внуки

непосредственно общаются с родителями и дедами, даже если что-то старших и раздражает в языке младших. Правнуки же если и общаются с прадедами, то не длительно и не на равных. Переводя это в исчисление, получаем применительно к нашей стране плюс-минус 75 лет.

Перемещение границ этих синхронических рамок означает завершение мандата действующих норм, оказывающихся как достояние истории вне поля зрения реально общающихся людей, а их обновление принимается следующими их поколениями. Языковеды со сменой поколений увязывают вообще всю динамику языка, в которой нормализация обеспечивает потребности именно литературно образованного общего языка, его правильность на некотором отрезке истории.

К нормам вполне применимы слова Леонида Дербенёва из песни, спетой незабвенным Олегом Далем:

Призрачно всё в этом мире бушующем.

Есть только миг – за него и держись.

Есть только миг между прошлым и будущим.

Именно он называется жизнь.